

Если место встречи изменить нельзя, то и не надо

Русский детектив Александры Марининой против Конан Дойла

Который месяц подряд в книжных лавках лидируют произведения Александры Марининой, а ее роман «Стилист» удостоился похвал от серьезных литературных критиков в серьезных изданиях. Нас призывают не быть снобами и воздать должное уму и перу Марининой, «в миру» подполковника милиции Марини Алексеевой, которая до сих пор продолжает служить в НИИ МВД.

Ходят слухи, что сегодня она один из самых высокооплачиваемых авторов в России, будоражит воображение гипотетическая сумма гонорара за каждую книгу — 50 тысяч долларов. Очевидно, однако, что успех налицо: в выходных данных почти всех произведений Марининой значится «дополнительный тираж» — сладчайшая музыка для любого автора.

Издатели Марининой ставят себе в заслугу, и небезосновательно, русификацию русской культуры. Даже если речь идет о таком ее скромном секторе, как детектив, триллер, вообще чтиво, они правы: в последние два-два с половиной года первые строчки рейтингов раскупаемости занимают только отечественные авторы, оттеснившие, а то и вовсе вытеснившие иноязычных конкурентов. Милорды глупые успешно преобразились в глупых товарищев и граждан, Лолиты и Джоны — в Наташ и Василиев. Или, на худой конец, в Бешеных. Продавцы попали в десятку — в покупателя. Массам «обрусение» масс-культура нравится.

Романы Александры Марининой, конечно же, вне эстетики: вялое письмо, неумение работать с сюжетом, композиционный хаос, клишированный язык — все доблести тут как тут. Трудно назвать детективом произведение, в котором автор не заботится о непременном для жанра «саспензе» — напряженности интриги: в «Стилисте», например, первая настоящая приманка появляется лишь после сотой страницы, а в «Мужских играх» отработке ложных, неправдоподобных и скучных версий отдан целиком первый том. Впрочем, если относиться к книгам Марининой как к мыльной опере с элементами криминального и женского (!) романа, то и разговора нет. То есть на нет и суда нет.

Но чем же тогда берет автора массового читателя? А «нашествие». Она и ее сквозная героиня Настя Каменская — наши до мозга костей и запаха позавчашней капусты. Более того, в оп-

ределенном смысле Маринина — типичная представительница и жертва советской литературы, для которой идея — все, а форма — ничто. Главная героиня Марининой и ее коллег по жанру не самодостаточный сыщик наподобие Шерлока Холмса, но сотрудник уголовника, винтик официальной властной структуры, чиновник на госслужбе. Что не случайно: настоящий частный детектив, личность автономная и ответственная, может вырасти только в том обществе, для которого ценность отдельного человека во всяком случае не ниже ценности общества в целом. Но что дозволено англичанину Конан Дойлу, воспитанному на Хабес-ас корпус (закон о неприкосновенности личности), то не по зубам автору в России, где люди только-только начинают учиться быть чем-то большим, нежели деталь безразличного к ним исторического ландшафта.

Герои Марининой — скорее функции, чем личности, хотя романистка и пытается придать им живые черты. Ну, скажем, Настя Каменская чуть ли не патологически ленивна: ни обеда мужу приготовить, ни носки постирать. Что ж, прием испытаный и надежный: Шерлок Холмс терзал соседей игрой на скрипке и принимал кокайин. Но как только дело доходит до дела, сыщик Каменская преображается в передовика соцсоревнования... то есть в истового трудоголика. Продуманное снижение образа до уровня узнаваемости: Настя живет в однокомнатной хрущевке у кольцевой автодороги, до работы добирается на метро. Но при этом владеет несколькими европейскими языками (Маринина трогательно перечисляет, какими именно) и пользуется помощью матушки, живущей светской международной жизнью, и брата — удачливого банкира. Она — как все, но и чуточку не как все. Изюм в булке наличествует. Правда, булка отсутствует.

Александра Маринина как автор и Настя Каменская как герой — вполне на уровне советской бытовой мифологии. Женской, к примеру: я не красавица, но вот будет у меня суперкосметика и одежда — гадкий утенок мгновенно превратится в белоснежного лебедя. Однако это безобидно. Гораздо интереснее — миф о бедности советско-российской милиции. Зарплата жалкая, машина у коллеги на ладан дышит, из своих кровных приходится отстегивать экспер-

там-криминалистам, чтобы ускорить следствие... Потому-то и эффективность милицейской работы — увы. Вот, оказывается, в чем дело. И это — из романа в роман.

А деликатность следователей? В «Стилисте» падающая от усталости героиня стесняется присесть на вельюровый диван в доме подозреваемого и в его присутствии, потому что у нее джинсы не первой свежести, и пристраивается на курточках в коридоре. Не хочу сказать ничего дурного о стражах порядка, но, честное слово, мне тоже хотелось бы жить в той стране, где есть такая милиция.

И из романа в роман — плохие, дурные, безответственные журналисты. Журналиги. Своловчи на своловчи. Охотники за харемом. Провокаторы. Алкоголики. Так, черт возьми, мешают следователям. Если б не они. Так и подмыт в сказать о свободной прессе как одном из главных элементов гражданского общества и правового государства, но тотчас сплюхнувшись: Маринина ведь не о прессе, а об отдельных ее представителях. Ведь кое-кто и кое-где у нас порой — не так ли?

«Когда тайваньско-тайландинского хлама сталоavalом, когда покупатель понял, что это хлам, он повернулся к хламу отечественно-му — привычному» — эта, быть может, небесспорная сентенция моего приятеля что-то объясняет в феномене Марининой и ее подобных. Однако «старые песни о главном» адресованы вовсе не той возрастной категории, за которой будущее. Ностальгия только кажется всеобщей. Ностальгический фундаментализм — зарыться головой в песок из отвращения к меняющемуся миру — явление реальное, но вряд ли продолжительное. «Дураки с мороза» выходят из моды, как уже вышли из жизни. Эта жуткая жизнь за окнами взвыла к динамичному сюжету и выверенной форме, к небанальному юмору (качество, напрочь отсутствующее у большинства отечественных детективщиков) и скепсису. А если место встречи изменить нельзя, то и не надо. Ей-Богу, не надо.

Александра же Марининой и ее коллегам мы — не снобы и не эстеты — должны в ноги поклониться: они возвращают читателя в книжные магазины и не позволяют «пилгуну» забывать русские буквы. Быть может, кто-нибудь из них и вспомнит: «П», «У», «Ш», «К», «И», «Н». А вдруг?

Юрий БУЙДА.